

Роман Богословский — квинтэссенция пустоты

Роман родился в 1981 году, живёт в Липецке. Окончил Лебединский педагогический колледж, МГПУ. Писать тексты и музыку начал ещё в детстве.

Редактор журнала «Рублевка LIP». Пишет философские эссе, художественную прозу. Свой основной жанр определяет как мистический реализм. Проза Романа публиковалась в журналах и сборниках не только в России, но и в Дании, на русском и датском языках. Дебютная книга Романа Богословского «Театр морд» (одна повесть и десять рассказов) вышла в 2013 году.

В разговоре зрителя и режиссёра, разделённых экраном, не может существовать обратной связи... Или всё-таки может? Пофантазировать на тему двойного фидбэка в кинематографе берётся Роман Богословский.

Кадр, пустота

Рецензия-рефлексия на фильм Микеланджело Антониони «Фотоувеличение»

Я говорю:

— Здравствуй, Микеланджело. Прости, старик, не знаю отчества. А есть оно у вас, итальянцев? Неважно.

— Знаешь, Микеланджело, я не стал читать Кортасара — и так десятки книг на очереди. Я сразу стал смотреть на экран, пытаюсь понять, что ты мне говоришь. Смотрю и вижу фотографа. Его молодость отравлена твоей камерой? Или это всего лишь ход мыслей, медвежьи повороты сюжета? Это странно: персонажи улыбаются, а мне не смешно.

— На экране не происходит ничего странного. Фотограф, молодость которого отравлена (чем? мы так и не выяснили), работает — он занимается фотографированием. И, как всякий молодой человек, постаревший, попав в мировое ведро с жидким цинизмом, обсохнув, не стал стряхивать с одежды снобизм, этот сухой остаток. Снобизм — словно солнечный ветер, отголосок, реликт, аллергическая пыль планеты.

— Хотя ты знаешь, Микеланджело — ведь шестидесятые! Свобода! Воздух, витая, обитает в идеях. И фотографу, конечно, плевать на девочек, что толпами рвутся в его студию, лишь бы выгнуться, лишь бы выставить упругие ещё пока ляжки, лишь бы высунуть грудь — одним словом, раздвинуть ноги фотоаппарату.

— Оно и верно: Буонаротти, твой тёзка, говорят, считал, что вынул свои резцы прямо из молока матери. Алхимическими молочными резцами он потом тесал свои статуи. Ты, конечно, знал об этом? И, подставив груди девочек под объектив циничного фотографа, ты потом внимательно отсматривал пленку? Делал видеувеличение? Искал молоко, искал же?

— И вот, когда я приготовился насладиться старой итальянской эротикой с декадентским душком, ты всё обрушил. Зачем ты отправил циника в парк, где красотка развлекала престарелого мужчину в его последние счастливые минуты? Неужели ты не подумал о том, что случится по ту сторону экрана, где сидел я, положив ноги на стол, наслаждаясь бутылкой «Жигулей»? Что такое «Жигули», объяснять долго и чисто по-русски г-о-р-ь--о-в-е-с-е-л-о, поэтому ответь лучше ты, Микеланджело. В общем, зря ты открыл фотографу чужую тайну. Фотографу-то ладно — зрителю зачем открыл?

— Естественно! Он взял и всё сфотографировал! В танце, под молчаливую, предсмертную в своем эротизме музыку кружится красотка, смеясь в морщины старику. А старик, конечно, из бывших? У нас в России это быстро определяют — понимаешь? И не столь важно, из каких именно бывших: из ухоженных и обласканных жизнью, из хорошо пристроенных и тёртых; из бывших, изо всех сил стремящихся быть настоящими, а если повезет, немножко даже будущими.

— Но намёк на присутствие у бывшего потенции ты не даешь. Кадр, пустота. Кадр, пустота. Кадр, пустота. И мне это нравится, Микеланджело. Думайте хотя бы через раз. Показав небо, ты тут же отбираешь его, чтобы я, с «Жигулями» в руке, продолжил видеть его мысленно. Так и случилось — ты попал в цель. Поэтому не обижайся, что, может, с твоей точки зрения, я несу полную ахинею.

— Итак, дело сделано — мистерия по выведению цинизма из сноба-фотографа подошла к концу, и фотографии готовы: кому — компромат, кому — индульгенция и прививка от неокрепшей ещё старости, кому — тупая бессмысленность и скукота. Кстати, ты большой молодец: на двадцатой минуте фильма все обременённые насущными делами и заботами из кинозала уходят — орут дома некормленные дети. Остаются лишь типы вроде меня,

непонятной целевой аудитории и социальной классификации.

— Кадр, пустота. Кадр, пустота. Кадр, пустота. Это по мне, Микеланджело. Размывай, размывай дальше, больше и глубже. Смотри! Ты совсем забыл, что я подглядываю сквозь экран! Твой циник-то ненастоящим оказался! Король-то уже не просто голый, а с содранной кожей! Влюбился! Ола-ла! Тили-тили-тесто! Un italiano vero!

— А что же, собственно, с фотоувеличением? И кого же мы обнаруживаем на запрещённых снимках? На излёте порнографического снобизма мы обнаруживаем обновлённую личность фотографа, а на плёнке? Да, на плёнке, после увеличения? Человек с пистолетом... хм... А может, это мертвец? Обычный мертвец, только стоит на ногах? А что? Нашел точку опоры. Трудно, но можно же?

— Кадр, пустота. Кадр, пустота. Кадр, пустота. Бежит, бежит фотограф с отмытыми чувствами, с новыми мыслями, с идеями и образами. Бежит... И находит бывшего мертвым.

— И тут начинается... Энергия: ты её чувствовал каким местом? Ну гений — это понятно... Значит, всеми местами сразу. Положим, что так. А что не так — класть не будем, подержим, словно пустеющую бутылку «Жигулей». Но это не влияет на энергию поиска, энергию любви, энергию эрекции, которая, в отличие от бывшего старика, у фотографа есть, как ты мне говоришь. Фотограф — старый, но уже не старик же? К тому же он ещё совсем молод. Поиск красоты приводит фотографа в клуб на концерт. Вот ты какой, Микеланджело! Знал, где можно соединить первобытную архаику с личными усилиями героя, с его поиском, да? Там, где бьют гитары? Там, где энергия порождает жизнь, вращая скрипучее колесо, наматывая на него хипповые патлы шестидесятых? Джеф Бэк и Джимми Пейдж рядом, да? На одной сцене? Застал ты их? А я тебя застал. И всё подсмотрел. Фотограф нашел её,

красотку.

— А Тарковский ещё на тебя ругался. А у тебя такое изобилие образов! Красотка пытается отнять плёнку со снимками у фотографа. Кадр, пустота. Фотограф хочет её. Он потерял свой снобизм, ему нужно чем-то заполнить себя. Кадр, пустота. Фотоаппарат больше не кончает в изгибающихся девчусшек — птичка предпочитает остаться в гнезде. Они валяются. И катаются по полу. И смешно, конечно. А космонавты в невесомости тоже не сильно серьёзно выглядят. Кадр, пустота.

— Но этого ему мало. Фотограф помолодел, но не совсем, не до конца. Ведь то, что он застаёт красотку в постели с её законным мужем, не вызывает в нем ревности, а значит всё напрасно — старик, снимки, труп старика. А что? Ты сам ни на чём внимание не акцентируешь, Микеланджело, и я не стал. Ну да, был труп, ну и что? Один мертвец (фотоувеличенный) стоял, другой мертвец (обычный, мёртвый) лежал. Никакого намёка на эрекцию не было.

— Чувствуя, что мир вокруг схлопывается и норовит вытеснить фотографа, словно прослышавшая о чуде аборта ракушка свою мякоть, ты посылаешь его посмотреть на труп бывшего ещё раз. А зачем? Проверить эрекцию или реальность? Э-эй, я всё ещё тут? Хело-у, эй! Кадр, пустота. Кадр, пустота. Кадр, пустота.

— Кадры пустоты, кадры пустоты. Кадры пустоты. Трупа на месте нет. Нет его. Нет поля, нет красотки, нет Джимми Пейджа, нет шестидесятых, нет битых гитар, нет фотоаппарата, нет эрекции. Есть лишь безмолвие кадров. Шелест пленки. Кадр + пустота.

— Прости за то, что подсматривал за тобой, Микеланджело. Частичку своего гедонизма я приношу в жертву твоим пустотам — это ведь достойная цена? И я тоже так думаю.

Антониони говорит:

— ты обознался дорогой русский с пустой бутылкой жигулей у нас тут отличная эрекция кстати какие к черту красотки какой джеф бэк какое фотоувеличение посмотри он же идёт по чужой планете без населения социологии и статистики он один идёт и фильм только начался всё остальное фантазия о которой я не имею понятия она не моя а твоя просто смотри он идёт и возможно здесь нужны страшные ураганные ветры как на сатурне или юпитере но не так уж быстро крутится эта неизвестная мне планета поэтому видишь здесь тоже есть существа которые видят вглубь а не вдаль они смеются но лица их печальны они играют в теннис большой как у вас в россии поют это хорошо видишь они играют об этом и кино оно короткометражное это ты необузданный русский тревожишь мой дух тревожил бы феллини феррери и пазолини они вон райским виноградом лакомятся и передают тебе привет смотри тогда раз начал как они играют в теннис и если ты не видишь мячик что летает от ракетки к ракетке ты заканчивай с жигулями до добра оно не доведёт видишь мячик выскочил за пределы так иди за ним отдай его играющим и сам им становись вместо того чтобы тревожить мой мир играй играй играй и замечай всё а не часть потому что всё видимо абсолютно чётко вот правильно бери мячик и кидай его играющим и сам в следующем туре будешь стоять с ракеткой на этом корте а я распоряджусь чтобы разгулялись ураганные ветры как на сатурне или юпитере а жигули кстати говорят мне тут на ухо скоро будут делать в квебеке или в питере маме привет и брату береги бабушку в деревне твоей микеланджело антониони.

Кадр, пустота. Кадр, пустота. Кадр, пустота. Пустота. Пустота. Пустота...

К публикации тексты подготовила Юлия Этманова. Иллюстрации Евгении Угловой.

Желающие опубликоваться в рубрике «Улитка», присылайте свои произведения по адресу info@ku48.ru с пометкой «Для Улитки», краткой биографией и фото. Принимаются тексты из Липецкой и соседних областей.